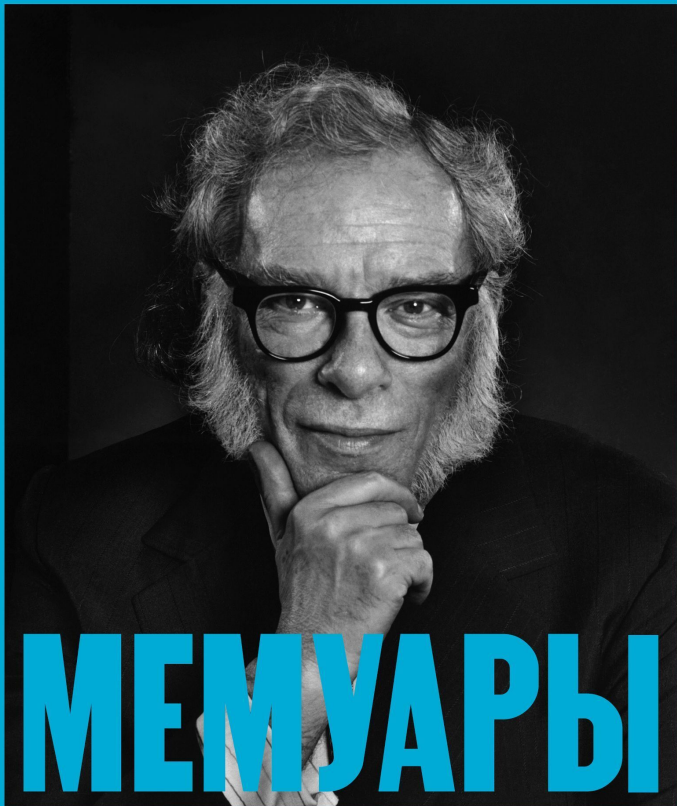

Автобиография одного из величайших авторов нашего времени

Я, АЗИМОВ

МЕМОУАРЫ

Айзек АЗИМОВ Я, АЗИМОВ

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73907007

Я, Азимов. Мемуары: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-6047190-5-3

Аннотация

Айзек Азимов – один из самых влиятельных писателей современности. Он придумал три закона робототехники (и сам термин), которые становятся все актуальнее, чем ближе мы подходим к изобретению настоящего искусственного интеллекта. Азимов успел выпустить больше 500 книг – созданные им миры заслужили множество литературных наград и до сих пор экранизируются, вдохновляя новые поколения.

В своих мемуарах Азимов делится с читателями не только историей собственной жизни, но и мыслями, эмоциями, мнениями. Полушуточное соперничество с Артуром Ч. Кларком, работа над циклом «Основание» и отношения с дочерью – все эти и многие другие темы Азимов описал в своей последней книге. Полный юмора, ностальгии и самоиронии, его автопортрет вышел максимально искренним и реалистичным.

Содержание

Введение	5
1. Вундеркинд?	8
2. Мой отец	14
3. Моя мать	17
4. Марсия	21
5. Религия	25
6. Мое имя	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Айзек Азимов

Я, Азимов

Мемуары

Isaac Asimov

I, Asimov. A Memoir

* * *

© Copyright 1994 by estate of Isaac Asimov

© С. Карпов, перевод, 2026

© ООО «Издательство „ЭКСМО“», 2026

Individuum®

* * *

Посвящается

*Джанет – моей дорогой жене,
спутнице жизни и единомышленнице*

Введение

В 1977 году я написал автобиографию. Взявшись за любимую тему, я изрядно разошелся и выдал 640 тысяч слов. В издательстве Doubleday ко мне всегда были необычайно добры, поэтому опубликовали всё – но в двух томах. Первый – «Пока память зелена» («In Memory Yet Green», 1979), второй – «Пока восторг ощутил» («In Joy Still Felt», 1980). Вместе они довольно подробно описывают пятьдесят семь лет моей жизни.

Жизнь эта была тихой, без особых приключений, и, хоть я компенсировал их отсутствие, как мне кажется, очаровательным литературным стилем (скоро вы поймете, что ложной скромностью я не страдаю), выход книг не потряс мир. Однако их с удовольствием прочитали несколько тысяч человек, и меня периодически спрашивают, будет ли продолжение.

Я всегда отвечаю: «Сперва надо его прожить».

Я вбил себе в голову, что должен дождаться символического 2000 года (такого важного для фантастов и футурологов) и лишь тогда продолжить мемуары. Но в 2000-м мне исполнится восемьдесят лет – вполне возможно, я до тех пор не дотяну.

Когда прямо перед семидесятилетием я довольно тяжело заболел, моя дорогая жена Джанет строго сказала: «Начинай

третий том сейчас же».

Я робко возразил, что в последние двенадцать лет моя жизнь была еще тише обычного. О чем тут рассказывать? В ответ она заметила, что первые два тома автобиографии выстроены строго хронологически. Я перечислял все события точно по календарю (спасибо дневнику, который я веду с восемнадцати лет, не говоря уже о моей превосходной памяти), а о внутреннем мире почти ничего не говорил. И в третьем томе ей хотелось бы увидеть что-то другое: ретроспективу, в которой события отступают на второй план перед моими мыслями, реакциями, философией жизни и так далее.

– Но кому это интересно? – спросил я еще более робко.

И она решительно заявила (поскольку говорит обо мне с еще меньшей ложной скромностью, чем я сам):

– Всем!

Вряд ли она права, но вдруг? Так что стоит попытаться. Не хочу начинать с того, на чем остановился в прошлый раз. Вообще-то это даже опасно. Первых двух томов уже давно нет в продаже, так что многие, кому понравится этот (чем черт не шутит), не смогут найти их ни в твердой, ни в мягкой обложке и всерьез на меня обидятся.

Так что я собираюсь описать всю свою жизнь через призму собственных размышлений в виде независимой, отдельной автобиографии. Я не намерен вдаваться в подробности, изложенные в первых двух томах. Я разобью эту книгу на множество глав – каждая из них будет посвящена какому-ли-

бо жизненному этапу или человеку, повлиявшему на меня. И постараюсь придерживаться этого принципа до конца – вплоть до настоящего момента, если потребуется.

Верю и надеюсь, что так я раскроюсь перед вами во всех подробностях и, кто знает, возможно, даже кому-то понравлюсь. Меня бы это очень порадовало.

1. Вундеркинд?

Я родился в России 2 января 1920 года, но мои родители эмигрировали и прибыли в Соединенные Штаты 23 февраля 1923 года. А значит, я с трех лет американец по сути (а по прошествии пяти лет, с сентября 1928 года, еще и по гражданству).

Я практически ничего не помню о первых годах в России; не говорю по-русски; не знаком (за исключением того, что знает любой образованный американец) с русской культурой. Я целиком и полностью американец по воспитанию и мироощущению.

Но, если я сейчас буду рассказывать о себе в трехлетнем возрасте и позже – а я это время помню, – неизбежно придется делать такие заявления, из-за которых меня всегда называют «эгоистичным», «тщеславным» или «самовлюбленным». А ради красного словца могут сказать, что у меня «эго размером с Эмпайр-стейт-билдинг».

Но что поделаться? Не скрою, я высоко ценю себя, но только из-за качеств, которые, на мой взгляд, заслуживают восхищения. У меня есть немало изъянов и недостатков, я их спокойно признаю, но вот этого как раз почему-то никто не замечает.

Так или иначе, если я говорю что-то с виду «тщеславное», то, заверяю вас, это правда, и я отказываюсь выслушивать

обвинения в тщеславии, пока кто-нибудь не докажет, что я солгал.

Поэтому сделаю глубокий вдох и заявлю: я – вундеркинд.

Не знаю, есть ли у этого слова подходящее определение. Оксфордский словарь говорит, что вундеркинд – это «ребенок, гениальный с раннего возраста». Но насколько раннего? Насколько гениальный?

Вы, возможно, слышали про детей, которые начинают читать в два года, знают латынь к четырем, а в Гарвард поступают в двенадцать. Наверное, это истинные вундеркинды, и в таком случае я не из них.

Пожалуй, будь мой отец американским интеллектуалом, обеспеченным и погруженным в исследования классической литературы или естественных наук, и заметь он во мне кандидата в вундеркинды, он стал бы мной заниматься и добился бы чего-то в этом роде. Могу только благодарить судьбу, что меня минула чаша сия.

Принужденный, доведенный до пределов возможного, ребенок может сломаться от давления. Но мой отец был мелким лавочником без знания американской культуры, без лишнего времени на мое обучение и без особых на то способностей, даже если бы время вдруг нашлось. Он мог только побудить меня хорошо учиться в школе, а я и так собирался это делать.

Другими словами, все сошлось так, что я сам нашел комфортный режим, в котором я и вундеркиндом стал, и сам

поддерживал давление, позволявшее быстро продвигаться вперед без малейшего напряжения. Так я сохранял свою «гениальность» в том или ином виде всю жизнь.

Более того, когда меня спрашивают, не был ли я вундеркиндом (а меня спрашивают, причем до неприличного часто), я по привычке отвечаю: «И был, и есть».

Читать я научился еще до школы. Осознав, что родители до сих пор не могут читать на английском, я попросил соседских детей научить меня алфавиту и звучанию каждой буквы. Потом начал проговаривать вслух слова на вывесках и вот так научился читать почти без посторонней помощи.

Когда отец узнал, что его сын-дошкольник умеет читать, и, главное, когда, после расспросов выяснил, что учился я по собственному почину, он изумился. Возможно, тогда он и заподозрил, что я необычный. (Он верил в это всю жизнь, хотя это и не мешало ему критиковать меня за множество недостатков.) Из-за веры отца в то, что я необычный, и из-за того, что он об этом сказал напрямую, я и сам впервые об этом задумался.

Надо думать, в мире хватает детей, которые научились читать до школы. Например, моя сестра, но ее учил я. Меня не учил никто.

Когда в сентябре 1925-го я наконец пошел в первый класс, то поразился, как трудно остальным дается чтение. Еще больше меня озадачивало, что другие дети всё забывали, когда им что-то объяснили, и тогда приходилось объяснять еще

и еще.

Вот этот момент, думаю, бросился мне в глаза очень рано: в моем случае достаточно сказать всего раз. Я и не знал, что у меня выдающаяся память, пока не заметил, что у моих одноклассников с этим гораздо хуже. Сразу поясню: «фотографической памяти» у меня нет. В ней меня не раз обвиняли те, кто восхищается мной больше, чем я того заслуживаю, но я всегда отвечаю: «У меня всего лишь почти фотографическая память».

Вообще-то, на не особенно интересные мне вещи память у меня вполне обычная, если не хуже. Происходят даже жуткие оплошности, когда я слишком ухожу в себя. (А я поразительно увлечен собой.) Однажды я увидел, но не узнал свою прекрасную дочь Робин. Не ожидая встречи с ней, я различил только смутно знакомое лицо. Робин несколько не обиделась и даже не удивилась. Она повернулась к подружке и сказала: «Вот видишь, я же говорила: если я буду просто стоять и молчать, он меня даже не узнает».

Но, если меня что-то интересует – а такого хватает, – я это вспоминаю практически мгновенно. Однажды, когда меня не было в городе, моя первая жена Гертруда поспорила о какой-то мелочи со своим братом Джоном, и малышку Робин, тогда лет десяти, послали в мой кабинет за нужным томом «Британской энциклопедии».

Робин подчинилась, но возмутилась: «Вот бы папа был дома. Он бы вам и так все сказал».

Конечно, во всем этом есть свои трудности и недостатки. Может, я и одарен чудесной памятью и сообразительностью с раннего возраста, зато обделен обширным опытом и глубоким пониманием человеческой природы. Мне было и невдомек: другие дети не оценят, что я знаю больше, чем они, и гораздо быстрее учусь.

(И почему это, интересно, среди школьников ребенок с выдающимися спортивными способностями – объект почитания, а ребенок с выдающимися интеллектуальными способностями – ненависти? Существует какое-то негласное правило, что человека определяют мозги, а не мускулы? И если ребенок плох в спорте, то он просто плох, а если он не блещет умом, то сразу чувствует себя недочеловеком? Не знаю.)

Беда в том, что я не пытался скрывать блестящий интеллект. Я демонстрировал его в классе каждый день и ни разу – ни разу – даже не подумал «скромничать». Я все время радостно давал понять окружающим, как я умен, и сами можете догадаться, к чему это привело.

Результат предсказуем, тем более для своего возраста я был маловат и слабоват, да еще и младше остальных одноклассников (в итоге – на два с половиной года, потому что периодически перескакивал классы и все равно оставался «самым умным»).

Надо мной издевались. Естественно.

В конце концов я понял причину, но еще много лет не мог

с этим смириться, потому что никак не получалось заставить себя скрывать гениальность. Поэтому надо мной издевались – хотя с каждым годом всё меньше и меньше – вплоть до двадцати лет. (Впрочем, не стоит сгущать краски. Физическому насилию я не подвергался. Ровесники просто меня высмеивали, обзывали и бойкотировали – все это я вполне мог вынести без особых переживаний.)

Но я все-таки кое-что усвоил. То, что я необычный, до сих пор невозможно скрыть, учитывая, сколько книг я написал и издал, а также как много тем в них затронул, но в обычной жизни я научился держать себя в руках. Научился «отключать гений» и общаться с людьми на равных.

В результате у меня появилось множество друзей, с которыми я поддерживаю очень теплые отношения.

Вот бы вундеркинды рождались не только с отличной памятью и высоким интеллектом, но и с пониманием человеческой природы. Но не все дается от рождения. Самые главные черты развиваются постепенно, с опытом, и везет на самом деле тому, кто усвоил их быстрее и проще, чем я.

2. Мой отец

Мой отец, Юда Азимов, родился в России, в селе Петровичи¹, 21 декабря 1896 года. Он был смышленным молодым человеком, получившим полное образование в рамках ортодоксального иудаизма. Усердно изучал «священные тексты» и бегло говорил на литвакском (литовском) диалекте иврита. Позднее в наших беседах он с удовольствием цитировал на иврите Библию или Талмуд, а потом переводил для меня на идиш или английский и объяснял смысл.

Было у него и светское образование – он с легкостью говорил, читал и писал на русском, хорошо разбирался в русской литературе. Рассказы Шолом-Алейхема он знал практически наизусть. Помню, как-то раз он процитировал мне один – на идише, понятном мне языке.

Он достаточно хорошо знал математику, чтобы вести учет в семейном деле своего отца. Мрачные дни Первой мировой войны он пережил, каким-то образом избежав службы в русской армии. И это хорошо, иначе, вероятно, он бы погиб, и я бы не родился. Пережил отец и послевоенные беспорядки, а на моей матери женился где-то в 1918-м.

До 1922 года, несмотря на тяготы войны, революции и гражданских волнений, ему неплохо жилось в России – хо-

---

¹ Село Петровичи располагалось в Смоленской губернии, а в настоящее время в Шумячском районе Смоленской области. – *Прим. ред.*

тя, конечно, кто знает, что бы случилось с ним и со мной в еще более мрачные дни сталинской тирании, Второй мировой войны и нацистской оккупации наших родных мест.

К счастью, об этом можно не задумываться, потому что в 1922 году сводный брат моей матери Иосиф Берман, за несколько лет до того перебравшийся в Соединенные Штаты, пригласил нас переехать, и родители после долгих и мучительных размышлений так и поступили. Решение далось им непросто. Пришлось бы покинуть село, где они провели всю жизнь, где оставались все их родные и друзья, и отправиться в неизвестные края.

Но родители рискнули и успели как раз вовремя, потому что уже в 1924 году ввели строгие миграционные квоты и нас бы попросту не впустили.

Отец приехал в США с надеждой на лучшую долю для своих детей – и ее он явно добился. Еще при жизни он увидел, как один его сын стал известным писателем, второй – успешным журналистом, а дочь обрела счастье в браке. Однако это дорого ему обошлось.

В России отец принадлежал к зажиточной купеческой семье. В Штатах он оказался без гроша. В России он считался образованным человеком, которого уважали за знания. В Штатах он оказался практически безграмотным, потому что не писал и даже не говорил на английском. А главное, его образование ни в грош не ставили светские американцы. На него смотрели свысока, как на невежественного иммигранта.

Все тяготы он переносил без жалоб, потому что сосредоточил силы на мне. Я должен был воздать за всё – и я сумел это сделать. С тех пор как с возрастом пришло понимание, на какие жертвы отцу пришлось пойти, я испытываю к нему неизменную благодарность.

В Штатах он брался за любую работу: продавал по домам губки, демонстрировал пылесосы, работал на производстве обоев, а потом – в мастерской по пошиву свитеров. Через три года отец скопил на первоначальный взнос для открытия семейной кондитерской, чем обеспечил и определил наше будущее.

Как я уже говорил, отец никогда не требовал от меня блестящих результатов. И никогда не наказывал: это он оставлял матери – она умела мне хорошенько всыпать. А сам, если я не слушался, довольствовался лишь долгими нотациями. Пожалуй, вынести взбучку от матери было легче, но я всегда понимал, что отец меня любит, даже если ему трудно передать это словами.

3. Моя мать

Моя мать – урожденная Анна Рахиль Берман. Ее отец – Исаак Берман. Он умер, когда она еще была маленькой, и меня назвали в его честь.

Мать выглядела как типичная русская крестьянка и ростом была всего полтора метра, она освоила грамоту, могла читать и писать как по-русски, так и на идише.

И здесь я хочу пожаловаться на родителей. Когда они хотели тайком обсудить между собой что-то не предназначенное для моих больших ушей, они разговаривали на русском. А если бы бросили глупую привычку так секретничать и разговаривали по-русски со мной, я бы впитал его как губка и овладел еще одним международным языком.

Но не судьба. Думаю, отец просто хотел, чтобы я выучил английский как родной язык, не отвлекаясь на другой, и стал настоящим американцем. Что ж, так и вышло, а раз я все равно считаю английский самым восхитительным языком в мире, пожалуй, оно и к лучшему.

Не считая умения читать, писать и считать – в пределах, необходимых для работы кассиром в лавке ее матери, – моя мать осталась безграмотной. Ортодоксальный иудаизм просто не предполагал обучения для женщин. Она не знала иврита и не получила светского образования.

И все-таки я не раз слышал, как она посмеивается над по-

черком моего образованного отца – и, думаю, вполне заслуженно. Судя по моему опыту, у женщин почерк почему-то красивее и разборчивее, чем у мужчин. Например, в сравнении с почерком сестры мой – кривой, как у полуграмотного. Поэтому я бы не удивился, если бы мать писала по-русски элегантнее отца.

Роль моей матери в жизни можно описать одним словом: «работа». В России она была старшей среди множества братьев и сестер, и ей приходилось заботиться обо всех в придачу к работе в лавке. В Штатах она воспитывала троих детей и бесконечно трудилась в кондитерской.

Она отлично понимала ограниченность своей жизни и отсутствие той свободы, что была у других. Часто она предавалась жалости к себе, и, хотя я ее ни в чем не виню, чаще всего ее слезливые речи приходилось выслушивать именно мне. А от ее недвусмысленных намеков, что и я – крест, который ей приходится нести, причем не самый легкий, – меня переполняло чувство вины.

Из-за тяжелой жизни она стала вспыльчивой и гнев тоже вымещала главным образом на мне. Не стану отрицать, я не раз давал повод, но била она меня часто и безо всякой жалости. Это не значит, что она не любила меня до умопомрачения, – любила. Жаль только, не могла показать этого как-то иначе.

Ей так и не выпала возможность научиться хорошо готовить. Стряпать из-за работы в кондитерской приходилось на

скорую руку, поэтому на протяжении всей юности (на самом деле, вплоть до свадьбы) я ел только жареное, время от времени – отварную говядину или курятину с картошкой. Овощами мы питались редко, зато налегали на хлеб. Впрочем, не жалею. Мне нравилось.

Но, думаю, из-за стряпни моей матери я и начал вести образ жизни, который привел меня к проблемам с коронарными артериями в преклонном возрасте. А с другой стороны, ее блюда подвергали мой желудок таким тяжелым испытаниям, что теперь я могу переварить что угодно.

Были у матери и фирменные блюда – тертая редиска с луком и вареными яйцами доставляла мне райское наслаждение, но, если питаться так целую неделю, люди начнут обходить тебя стороной.

Еще она готовила холодец из говяжьей голяшки с луком, яйцами вкрутую и бог знает чем еще. Называлось это «пчак»², и я бы отдал за него весь Элизий. Даже после свадьбы мне время от времени перепадал целый тазик пчаха. Конечно, это блюдо на любителя – и в один не самый прекрасный день моей жене Гертруде оно пришлось по вкусу. Моя доля тут же урезалась наполовину. Я с грустью вспоминаю последний пчак, приготовленный для меня матерью.

Моя нынешняя жена Джанет, самая дорогая для меня

---

² В оригинале Айзек Азимов использует слово «рчаһ», но в английском больше распространено написание «ртча», так и в русском это блюдо называют «пчак» или «птча». Это традиционное ашкеназское заливное блюдо. – *Прим. ред.*

женщина на свете, старательно нашла рецепт и даже сейчас время от времени готовит мне пчух. Вкусно, но, боюсь, все же не как у мамы.

4. Марсия

Мое детство прошло в обществе младшей сестры Марсии, родившейся 17 июня 1922 года в России и оказавшейся в Штатах в восьмимесячном возрасте. Она часто жалуется, что я редко рассказываю о ней в своих произведениях – и тут она права. Но в 1974 году я выпустил книгу, где все-таки упомянул о ней и о том, что она родилась в России.

Я позвонил сестре и прочитал отрывок вслух, чтобы доказать, что иногда о ней рассказываю, и она тут же громко и истерично разрыдалась.

– Что такое? – спросил я в смятении.

– Теперь все знают, сколько мне лет, – всхлипнула она. (Ей тогда исполнилось пятьдесят два.)

– Ну и что? – сказал я. – Не возьмут теперь на конкурс «Мисс Америка»?

Зря, конечно. У меня так и не получилось ее успокоить, а у вас теперь есть представление, как чаще всего складывались наши отношения.

Марсия – не настоящее имя моей сестры. Ее назвали очень красивым русским именем, но мне запрещено его разглашать. Во взрослом возрасте она сама выбрала стать Марсией, и теперь только так я и обязан ее называть.

В детстве мы плохо ладили. Ничего удивительного. С какой стати нам было ладить? У нас слишком разные характе-

ры, и, не будь мы братом и сестрой, ни за что бы не подружались. Но деваться было некуда – мы жили вместе и постоянно злились друг на друга.

Почти все, что делал я, раздражало ее, и наоборот. Начались споры, быстро перераставшие в крики, а потом и в зверские вопли. Может, все сложилось бы не так плохо, если бы родители могли нас разнять, терпеливо выслушать каждого, пока мы в подробностях излагаем ужасные преступления и проступки друг друга, а потом справедливо рассудить. К сожалению, у наших родителей не хватало на это времени.

Мать влетала на второй этаж из кондитерской и бросала нам «указ»: «Хватит ссориться». Потом раздражалась сердитой речью, что мы – единственные дети в районе, да куда там, во всем мире, кто так безобразно ругается, а все остальные дети – сплошь свет и умиление. Еще она говорила, что нас услышат покупатели и соседи на два квартала вокруг и примчатся в кондитерскую спросить, что случилось, и ей будет неопишимо стыдно. Сказать, что мы выучили эту речь наизусть, – ничего не сказать. И действовать она на нас уже перестала, особенно потому, что я знал: другие братья и сестры ладят не лучше нас.

А вот интересный момент. Марсия помнит, что я подсудил ее на Гилберта и Салливана и что у меня были интересные и остроумные друзья из мира научной фантастики, но не помнит ни одной ссоры. Она рисует идиллическое сосуществование, и я обнаружил, что это относится ко мно-

гим, с кем у меня есть общие воспоминания. Они стирают целые континенты фактов, выстраивают какую-то сказочку, которой никогда не существовало, и потом настаивают, что так все и было. Может, кому-то проще выдумать себе прошлое, но у меня так не получается. Слишком уж отчетливо я все помню, хотя не хочу сейчас сказать, будто мое собственное прошлое совершенно не подвержено перестройке. Работая над автобиографией и сверяясь с дневником, я то и дело поражался, что здесь одно забыл, а другое запомнил неправильно. Впрочем, это касалось мелочей.

Марсия была умным ребенком. Я научил ее читать (иногда против ее воли) еще до школы, и она, как и я, с легкостью усваивала программу, выпустившись в пятнадцать лет. Но тогда, к несчастью Марсии, поднял голову иудейский мужской шовинизм. Отец был беден, но все-таки как-то сумел устроить обоих сыновей в колледж. А о том, чтобы продолжить образование Марсии, не могло быть и речи. Раньше девочки, в конце концов, считались предназначенными только для замужества.

Поэтому в пятнадцать лет Марсии пришлось искать работу. Она была еще молода для брака и, если уж на то пошло, для работы тоже, по крайней мере по закону. Наверное, она скрыла свой возраст. Так или иначе, она устроилась секретаршей и неплохо себя проявила.

Замуж она вышла только в тридцать три. Будучи ее братом, я не умел замечать ее достоинств и поэтому совершен-

но не удивлялся. Помню, когда тринадцатью годами ранее я сам готовился жениться, какая-то женщина (очевидно, старой закалки) удивилась: «Братья, – сказала она, – не должны жениться раньше, чем выйдет замуж сестра». Быть может, этот обычай имел смысл в Восточной Европе тех времен, когда браки были договорами и любую девушку могли выдать замуж (и обычно выдавали) еще в подростковом возрасте – главное, чтобы приданое устраивало. Но здесь? В Америке? Я ответил: «Если буду дожидаться сестру, умру холостяком».

Но я ошибался. Она покорила сердце тридцатисемилетнего Николаса Репанеса – пассивного, тихого и доброго человека. Они поженились, родили двух замечательных сыновей и счастливо прожили тридцать четыре года до смерти Николаса 16 февраля 1989 года. Мы с Джанет ездили в дебри Квинса на похороны (он лежал в гробу в очках). Это было наименьшее, что я мог сделать для человека, ставшего таким хорошим мужем для Марсии.

Марсия, кстати, всего полтора метра ростом, она очень великодушная и улыбочивая. Мне жаль, что мы не сумели поладить.

5. Религия

Отец, несмотря на религиозное образование, в глубине души не был ортодоксальным иудеем. Мы с ним это почему-то никогда не обсуждали – может, я чувствовал, что для него это слишком личное, и не хотел навязываться. По-моему, тогда, в России, приверженностью к религии он просто хотел порадовать своего отца. Полагаю, такое встречается довольно часто.

Возможно, из-за того что отец рос при царской тирании, когда на евреев часто устраивали жестокие гонения, в душе он стал революционером. Насколько мне известно, в настоящей революционной деятельности он не участвовал – был для этого слишком осторожным.

Для еврея один из способов стать революционером, работать на благо нового мира социального равенства, гражданской свободы и демократии – это вырваться из мертвой хватки ортодоксии. Ортодоксальный иудаизм диктует каждый шаг каждого дня и утверждает такие различия между евреями и иноверцами, что гонения на более слабую группу практически неизбежны.

Вполне логично, что отец, приехав в Штаты и освободившись от гнета своего отца, начал мирскую жизнь. Конечно, не во всем. Трудно отучиться от пищевых запретов, когда тебе с детства вдалбливают, что свинина – это эссенция ада.

Невозможно обойти стороной местную синагогу или полностью утратить интерес к библейским преданиям.

Но зато отец не читал множества молитв, предписанных для каждого поступка, и ни разу не пытался научить им меня. Он даже не подумал устроить на мое тринадцатилетие бар-мицву – обряд, после которого мальчик становится евреем, обязанным соблюдать иудейский закон. Я остался без религии просто потому, что никто и не пытался мне ее привить – никакую.

На некоторое время в 1928 году отец из-за потребности в дополнительном заработке устроился секретарем в местную синагогу. Поэтому ему пришлось ходить на службы и иногда брать меня с собой. (Мне это не нравилось.) Еще он для проформы зачислил меня в еврейскую школу, где я начал осваивать иврит. Это подразумевало изучение еврейского алфавита и произношения всех букв, а поскольку у идиша алфавит примерно такой же, я обнаружил, что могу читать и на идише.

Я показал отцу, что умею, хоть и с запинками, и поразился, когда он сперва оторопел, а потом забросал вопросам о том, как это у меня получилось. Я уж думал, к этому времени он должен перестать удивляться всему, что я делаю.

Отец недолго проработал секретарем; он не успевал и в синагоге, и в кондитерской. Поэтому через несколько месяцев меня забрали из еврейской школы – к моему величайшему облегчению, потому что там мне тоже не нравилось. Не

правилась зубрежка, и я не видел пользы от обучения ивриту.

Возможно, здесь я ошибался. Любая учеба полезна, но тогда мне было всего восемь, и я этого еще не понял. Впрочем, в голове все же отложилось кое-что из того давнего времени и из лекций отца на разные темы, которые он иллюстрировал библейскими цитатами. У меня возник интерес к Библии. Став постарше, я перечитал ее несколько раз, точнее, Ветхий Завет. В итоге после некоторых сомнений и раздумий я прочел и Новый.

Ко времени, когда я добрался до Библии, научные и научно-фантастические книги уже рассказали мне о своей версии мироустройства, и я не был готов принять за истину историю о Творении или всевозможные чудеса, описанные в Книге Бытия. Благодаря знакомству с древнегреческими мифами (а позже и с более мрачными скандинавскими) мне стало понятно, что я читаю еврейские мифы.

В преклонном возрасте отец, перебравшись во Флориду и не зная, чем заняться, не придумал ничего иного, кроме как присоединиться к другим пожилым евреям, у которых вся жизнь вертелась вокруг синагоги и обсуждения мельчайших деталей ортодоксии. Там он очутился в своей стихии, потому что обожал спорить из-за пустяков и никогда не сомневался в своей правоте. (Эту черту я отчасти унаследовал.) Я даже иногда саркастично говорю, что отец ни разу не отказывался от своего мнения, кроме тех редких случаев, когда случайно

оказывался прав.

Так или иначе, в последние месяцы жизни он снова с радостью стал ортодоксальным иудеем. Не думаю, что внутри, но снаружи точно.

Иногда люди думают, что я нерелигиозен назвал ортодоксальным родителей. Пожалуй, так можно сказать о моем отце, но не обо мне. Я ничего не делал назло. Мне позволили выбирать свободно, и я полюбил эту свободу. То же самое произошло с моими братом, сестрой и нашими детьми.

Следует отметить, это не значит, что я не нашел для себя в иудаизме ничего ценного и вынужден искать нечто иное для заполнения духовной пустоты. Никогда, ни разу в жизни, ни на секунду меня не тянуло ни к одной религии. Дело в том, что я и не чувствую духовной пустоты. У меня есть своя жизненная философия, которая обходится без сверхъестественного и вполне меня устраивает. Короче говоря, я рационалист и верю только в то, во что велит верить здравый смысл.

И, надо сказать, это не так-то просто. Нас окружает столько историй о сверхъестественном, столько легковерия в сверхъестественное, столько громких слов от авторитетов, всеми силами убеждающих нас в существовании сверхъестественного, что засомневается и самый непоколебимый.

Недавно со мной случилось что-то в этом роде. В январе 1990-го я лежал днем на больничной койке (пока не забивайте себе голову почему; в свое время мы до этого дой-

дем), и моей дорогой жены Джанет не было со мной – она на несколько часов вернулась домой по неотложным делам. Я спал, и тут меня ткнули пальцем. Я, конечно же, проснулся и осоловело огляделся, чтобы понять, кто меня разбудил и зачем.

Дверь палаты заперта на замок да к тому же закрыта на цепочку. Комната, залитая солнечным светом, была совершенно пустой. Как и чулан, как и ванная. Несмотря на весь свой рационализм, я никак не мог удержаться от мыслей о вмешательстве некой сверхъестественной силы, стремящейся передать, что с Джанет что-то случилось (это, конечно, мой главный страх). Мгновение я колебался, пытаюсь прогнать это чувство, и в любом другом случае прогнал бы, но речь шла о Джанет. И я позвонил домой. Она тут же ответила и сказала, что все в полном порядке.

Я с облегчением повесил трубку, но, присев, начал размышлять, кто или что меня ткнуло. Может, это просто сон, сенсорная галлюцинация? Возможно, но ощущение было совершенно реальным. Я задумался.

Когда сплю один, я часто обнимаю сам себя. Еще я знаю, что, когда засыпаю некрепко, у меня подергиваются мышцы. Я лег в прежнюю позу и представил, что у меня дернулись мышцы. Очевидно, мне в плечо ткнул мой же палец, только и всего.

А теперь представим, что в тот самый момент, когда я ткнул сам в себя, Джанет по какому-нибудь совершенно бес-

смысленному совпадению споткнулась бы и поцарапала коленку. И представим, что я бы позвонил, а она простонала: «Я только что ушиблась».

Смог бы я удержаться от мысли о сверхъестественном вмешательстве? Надеюсь, что да. Но наверняка не знаю. Таков уж наш мир. Он может поколебать и самых стойких, а я себя таковым не считаю.

6. Мое имя

Мое первое имя, Айзек (Исаак), – самое еврейское имя на свете, возможно, за исключением Моисея. Я отлично понимаю, что есть Айзеки и среди старинных новоанглийских семей, и среди мормонов, и еще много где, но уверен: в девяти случаях из десяти это имя носят евреи.

В детстве я об этом ничего не знал. Мне просто нравилось имя. Я был Айзеком Азимовым и не мечтал стать кем-то другим. Даже в годы юности – возможно, это как-то связано с моим ощущением исключительности. Раз имя принадлежит мне, то и оно должно быть особенным.

Проблема в том, что не всех мое имя приводило в восторг. В первые годы после иммиграции соседи считали своим долгом предупредить мою мать, что она отягощает меня нежелательным бременем. Имя «Айзек» афишировало мое еврейство, ставило клеймо, а к чему усугублять неудобства, с которыми я неизбежно столкнусь. Зачем, мол, лишний раз напоминать об этом людям.

Мать впала в замешательство. «Как же тогда его назвать?» – спросила она.

Ответ был прост. Надо оставить первую букву в знак уважения к деду, в честь которого меня называли, но при этом взять какое-нибудь старинное и благородное англосаксонское имя. В данном случае – Ирвинг, или, если произносить

по-бруклински, «Ойвинг».

(Вообще-то толку от таких переименований мало. Если множество Исааков и Израилей станут Исидорами и Ирвингами, от старинных аристократических имен повеет еврейским духом, и мы вернемся к тому, с чего начали.)

Но до этого не дошло. К тому времени мне уже исполнилось пять лет, и я сам слышал этот разговор, а после предложения назвать меня Ирвингом поднял такой вой, какого мать от меня еще не слышала³. Я четко обозначил, что ни при каких обстоятельствах не соглашусь стать Ирвингом и откликаться на это имя, а буду вопить каждый раз, как только услышу «Ирвинг». Мое имя – Айзек, и оно никуда не денется.

Так и произошло, и я не жалею об этом по сей день. Клеймо или нет, но я – это Айзек Азимов, а Айзек Азимов – это я.

Конечно, мне пришлось терпеть насмешливые прозвища «Иzzi» и «Айки», которые я стойко сносил, потому что выбора не было. Когда я наконец вырос и смог лучше управлять своим окружением, я потребовал, чтобы меня звали полным именем. Я Айзек, и никаких прозвищ (только старых друзей, которые так привыкли звать меня Айком, что вряд ли смогут переучиться.)

Помню, как-то раз встретил человека, который похвалил

---

³ Я рассказывал об этом в предыдущей автобиографии. Прошу меня простить, но иногда нужно повторить отдельные истории, чтобы дать правильный контекст. Помните и о том, что многие читатели этой книги не читали предыдущую. – *Прим. авт.*

меня за то, что я сохранил имя Айзек, и сказал, что для этого нужна недюжинная храбрость. Потом он назвал меня «Заком», и мне с немалым раздражением пришлось его поправить.

Позже, в подростковом возрасте, когда я стал пробовать себя в литературе, проблема имени вернулась. Я не мог не заметить, что у всех авторов популярной литературы простые имена северо-западноевропейского происхождения, особенно англосаксонского. Возможно, они были настоящими, а может, и псевдонимами.

Псевдонимы были обычным делом для авторов популярной художественной литературы. Одни работали в разных жанрах и для каждого брали новый псевдоним. Другие хотели скрыть, что пишут развлекательное чтиво. А третьи полагали, что простое американское имя привлечет больше читателей.

Кто знает? Так или иначе, по большей части имена были англосаксонскими.

Я не хочу сказать, будто еврейских писателей совсем не было. Кое-кто даже печатался под своим именем. Среди лучших фантастов 1930-х есть два еврея – Стэнли Г. Вейнбаум и Нат Шахнер. (Вейнбаум публиковался всего полтора года и тут же зарекомендовал себя самым популярным фантастом Америки, после чего трагически скончался от рака, когда ему не было и сорока.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.